

СРПСКИ ИНСТИТУТ ЗА БУДУЋИ ЈЕЗИК  
Л. Бр. 2817/4  
П. Бр. 2744

# ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

*таб. 3 1/2*

ПОВРЕМЕНИ СПИС  
ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у  
Љубљани, К. ЊИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у  
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.  
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.  
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,  
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,  
проф. Унив. у Београду.

Ова је књига ~~директно~~ репродуцирана.

КНИГА IV.  
Подвлачио речи Св. Марковљ

Исписивао речи 2. Јашић

Листићи проверени и сређени по реду текста.

Број листића: 119 - 9 = 110

Београд, 26-III - 1949 год.

Евидентичар

Милан Бајевић

БЕОГРАД, 1924.

и у различним данашњим живим словенским језицима), морале и могле имати и граматички род (женски) и природни (мушки), па се тек доцније, у нашем језику, извело показано ограничавање. Исп. нешто материала за то и код Ед. Вольтера (Разысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ, Петроград, 1882, стр. 8 и даље), са чијим се теориским разлагањима ја не могу сложити.

✓ А. Белић.

## Родственныя связи словѣнцевъ съ сербами и хорватами.

Словѣнцы, этотъ борющійся за свою національную независимость словянскій народъ подѣ натискомъ, съ одной стороны, нѣмецкой, съ другой, итальянской стихии, представляетъ наиболѣе тѣсныя родственныя связи съ народомъ сербско-хорватскимъ, который и въ географическомъ отношеніи является прямымъ продолженіемъ словѣнцевъ съ юго-востока. Изслѣдованія ученыхъ филологовъ и лингвистовъ конца XIX-го и начала XX-го столѣтій въ области исторіи и діалектологіи южнословянскихъ языковъ, въ особенности покойнаго слависта, обладавшаго колоссальной эрудиціей въ разныхъ отрасляхъ словяновѣдѣнія, учителя многихъ поколѣній русскихъ и западно-словянскихъ профессоровъ словяновѣдѣнія, хорвата по рожденію и первоначальному воспитанію (род. въ Вараждинѣ въ 1838. г., умеръ въ 1923) академика *И. В. Ягича*, затѣмъ его рано умершаго († 1896. г.) талантливаго ученика, изслѣдователя словѣнской діалектологіи, словѣнца по рожденію *Вайтрослава Облака* (род. въ Цельѣ 15. мая 1864. г.) и наконецъ двухъ лучшихъ знатоковъ сербско-хорватской діалектологіи въ настоящее время — загребскаго профессора, автора обширныхъ трудовъ о „штокавскихъ“ говорахъ и о значеніи и границахъ „чакавщины“ въ исторіи сербскаго языка *Милана Решеѣара* и новѣйшаго изслѣдователя говоровъ „восточной и южной Сербіи“ и говоровъ Кварнерскихъ острововъ Адриатики, автора „діалектологической карты сербскаго языка“, бѣлградскаго академика и профессора *А. И. Бѣлича* — всѣ эти изслѣдованія съ очевидностью показали ошибочность болѣе ранняго мнѣнія западно-словянскихъ ученыхъ, словѣнцевъ *Койшиѣара* (въ первой половинѣ XIX-го стол.) и его послѣдователя, знаменитаго автора „сравнительной грамматики словянскихъ языковъ“ *Франца Миклошича* о болѣе близкихъ родственныхъ связяхъ языка словѣнскаго южной Штирії, южной Хорутаніи (Каринтіи), Крайны, Горицы съ языкомъ болгарскимъ, принявшимъ это названіе отъ покорившихъ словянскія племена Дакіи, Мизіи и Фракіи финно-тюркскаго племени болгаръ, но въ древности называвшимся „словѣнскъ“, чѣмъ съ языкомъ сербско-

хорватскимъ. Эти ученые принимали на основаніи неяснаго и сомнительнаго свидѣтельства византійскаго писателя Константина Багрянороднаго о позднѣйшемъ сравнительно съ болѣе раннимъ поселеніемъ на Балканскомъ полуостровѣ словѣнъ призванія (въ VI-омъ в.) императоромъ Иракліемъ сербовъ и хорватовъ въ нынѣшнія области ихъ распространенія, что среди южно-славянскихъ языковъ и народностей должны различаться двѣ этнографическо-діалектическія группы, какъ древнія основы этихъ народностей: а) *словѣнская*, позднѣе распавшаяся на западную, 1. *хорушано-словѣнскую* или, какъ нынѣ принято менѣе правильно называть ее во многихъ трудахъ по славистикѣ и популярныхъ статьяхъ, *словинскую*; 2. *панноно-словѣнскую*, остатки которой нынѣ извѣстны лишь въ скудныхъ остаткахъ угорскихъ или венгерскихъ (въ югозап. ч. Венгріи) словѣнцевъ; 3. *дако-словѣнскую*, остатки которой Миклошичъ ошибочно видѣлъ въ языкѣ извѣстныхъ въ первой половинѣ XIX-го стол. трансильванскихъ болгаръ, и 4. *мизійско* или *еракійско-словѣнскую*, принявшую имя покорившихъ ихъ неславянскихъ болгаръ, и б) *сербско-хорватская*, раздѣлившая клиномъ въ VI-омъ вѣкѣ ранѣе поселившихся по Дунаю и за Дунаемъ „словѣнъ“. Въ противоположность этому мнѣнію, въ пользу котораго кромѣ сомнительныхъ, позднѣйшими славистами болѣе правильно понятыхъ, легендарныхъ свидѣтельствъ да кое-какихъ, случайно выхваченныхъ изъ общей связи съ остальными явленіями, языковыхъ данныхъ изъ говоровъ Болгаріи и Македоніи, съ одной стороны, и говоровъ словѣнскихъ, съ другой, не было приведено болѣе вѣскихъ доказательствъ, еще въ половинѣ XIX-го столѣтія Шафарикомъ и Шлейхеромъ выставлялось болѣе правильное — объ исконномъ этнографическомъ родствѣ сербовъ и близко-родственныхъ имъ хорватовъ со словѣнцами. Эта мысль, какъ упомянуто выше, особенно настойчиво проводилась Ягичемъ (см. его статью уже въ XVII т. его „Архива словянской филологіи“ — „Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen“) и его учениками и послѣдователями, а также и среди славистовъ изъ школы Шлейхера. Историко-діалектологическія изслѣдованія съ несомнѣнностью доказали, что никакой противоположности въ средѣ южно-славянскихъ языковъ въ смыслѣ, указанномъ Копитаромъ и Миклошичемъ, нѣтъ и не было, и что наоборотъ, въ народныхъ говорахъ заселенныхъ сербами, хорватами и словѣнцами земель, хотя и раздѣленныхъ государственными границами, наблюдается и наблюдался, какъ видно изъ записей древнихъ памятни-

ковъ, постепенный взаимный переходъ въ географическомъ порядкѣ, что свидѣтельствуется объ исконной ихъ взаимной близости и постепенной органической дифференціи, какая наблюдается обычно въ говорахъ одного и того-же языка.

Если мы возьмемъ *основныя вопросы* сравнительной фонетики славянскихъ языковъ, то увидимъ, что всѣ славянскіе языки въ очень древнее время взаимно разошлись между собою въ рядѣ явленій, относящихся къ исторіи звуковъ языка. Тоже можно сказать и относительно нѣкоторыхъ явленій морфологическихъ, т. е. въ области исторіи формъ склоненія и спряженія. При этомъ мы замѣчаемъ, что въ однихъ явленіяхъ сходство или тождество измѣненій обнаруживается между тѣми славянскими языками, которые рѣзко отличаются между собою въ другихъ явленіяхъ, несмотря на то, что и первыя и вторыя явленія происходили, хотя и въ разное, но всетаки очень древнее, „доисторическое“ время, т. е. время, опредѣляемое лишь приблизительно при помощи не прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, напр. письменныхъ памятниковъ, а при помощи свидѣтельствъ косвенныхъ, извлекаемыхъ изъ сравнительнаго изученія ряда явленій нѣсколькихъ родственныхъ языковъ. Эта разница въ распредѣленіи явленій по отдѣльнымъ языкамъ представляетъ большое затрудненіе для классификаціи по родственнымъ связямъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, вслѣдствіе чего только такая классификація можетъ быть удовлетворительна, которая основана не на одномъ общемъ разномъ языкамъ явленіи, а на нѣсколькихъ, при чемъ древность этихъ явленій должна быть доказана. Извѣстны въ исторіи славяновѣдѣнія теоріи дуалистическая, родоначальникомъ которой былъ патріархъ славяновѣдѣнія *И. Добровскій*, и триалистическая, возникшая въ средѣ русскихъ славистовъ. Между тѣмъ какъ первая дѣлила всѣ живые и исторически извѣстные славянскіе языки по нѣсколькимъ признакамъ на двѣ обширныя группы — сѣверо-западную и юго-восточную, при чемъ къ группѣ с.-з. относились языки чешскій, словацкій, польскій и лужицкіе, а къ ю.-в. русскій яз. во всѣхъ его нарѣчіяхъ и всѣ южные славянскіе языки, вторая отдѣляла восточную, т. е. русскую, группу какъ отъ сѣверо-западной, такъ и отъ южной. Цѣлый рядъ ученыхъ славистовъ, каковы Востоковъ, Шафарикъ, Надеждинъ, Шлейхеръ, Миклошичъ, Срезневскій, Потенія, Даничичъ, Лескинъ, Крекъ, Кочубинскій, Ягичъ, Облакъ, Цоневъ, Шахматовъ, Бѣличъ и другіе занимались вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ языковъ, о восстановленіи

путемъ сравнительнаго изученія ихъ языка-предка, называемаго языкомъ „прасловянскимъ“ (по Шахматову — „праязыкомъ общеславянскимъ“), о древнѣйшей прародинѣ словянъ и о постепенномъ распаденіи общаго прасловянскаго языка на говоры, въ дальнѣйшемъ разросшіеся въ обширныя языковыя группы. И между тѣмъ какъ одни изъ ученыхъ, слѣдую схемѣ Шлейхера и принимая во вниманіе поправки къ ней Лескина, старались такъ или иначе построить „родословное дерево“ словянскихъ языковъ, другіе болѣе согласно съ „волнообразной“ теоріей Жоанна Шмидта допускали постепенное образованіе словянскихъ языковъ путемъ распространенія отдѣльныхъ признаковъ на подобіе волнъ отъ одного носителя ихъ къ другому сосѣднему. Разумѣется, въ чистомъ видѣ ни та, ни другая теоріи не годятся: рядомъ съ переходомъ языка по наслѣдству отъ старшаго поколѣнія къ младшему происходитъ постоянное вліяніе языка одной небольшой группы людей на языкъ другой сосѣдней географически, при чемъ взаимное вліяніе можетъ распространяться въ разныя стороны неравномѣрно. При изслѣдованіи нынѣшнихъ взаимныхъ отношеній необходимо разобратъ и болѣе или менѣе точно опредѣлить, что древнѣе и указываетъ на болѣе древнее сожитіе, и что новѣе и свидѣтельствуетъ о новыхъ географическихъ перемѣщеніяхъ. Въ новѣйшихъ трудахъ акад. Шахматова („Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго яз.“, Петр. 1915. г., Энциклоп. Слав. филол. вып. 11, 1, также „Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, П. 1916) выдвигается въ вопросѣ объ образованіи русскихъ нарѣчій особенное значеніе государственныхъ связей, измѣненіе которыхъ играло большую роль въ сближеніи отдѣльныхъ восточно-словянскихъ племенъ, легшихъ въ основаніе русской народности во всѣхъ ея главныхъ развѣтвленіяхъ. Ту же точку зрѣнія примѣняетъ въ своихъ историко-діалектологическихъ изслѣдованіяхъ сербскаго языка проф. А. И. Бѣличъ. Примѣнительно къ юго-словянскому вопросу мы, оставляя полемику съ нѣкоторыми гипотезами акад. Шахматова, возвратившагося къ давно оставленной „дуалистической“ теоріи, напр. о болѣе долгомъ сожитіи южныхъ словянъ совмѣстно съ восточными въ придунайской мѣстности, чѣмъ со словянами западными, съ которыми южно-восточная группа разсталась будто бы послѣ переселенія общаго словянскаго народа-предка изъ древнѣйшей прибалтійской во вторую привислянскую родину, ограничимся лишь тѣмъ, что выразимъ сомнѣніе не только въ возможности воссозданія общихъ сѣверо-западнаго и восточно-

южнаго словянскихъ праязыковъ, но, наблюдая существованіе во всѣхъ южно-словянскихъ языкахъ общихъ измѣненій съ нѣкоторыми изъ западно-словянскихъ, а въ языкѣ восточно-словянской вѣтви — явленій общихъ то со всѣми южно-словянскими въ отличіе отъ всѣхъ сѣверо-западныхъ, то со всѣми западно-словянскими въ отличіе отъ всѣхъ южно-словянскихъ, усомнимся и въ возможности воссозданія праязыковъ западно-словянскаго и южно-словянскаго (что касается праязыка восточно-словянскаго, то воссозданіе его становится несомнѣннымъ, если вспомнимъ, что даже въ началѣ древнерусской письменности можно насчитать, какъ доказалъ Шахматовъ, не менѣе 12 общихъ малорусской и великорусской вѣтвямъ специально русскихъ измѣненій). Какъ воссозданіе праязыка западно-словянскаго натывается на рядъ крупныхъ различій между языками чешскимъ и словацкимъ, съ одной стороны, и польскимъ и лужицкими, съ другой, при чемъ поражаетъ еще и сходство въ нѣкоторыхъ основныхъ явленіяхъ одного изъ лужицкихъ (верхняго) съ русскимъ, такъ воссозданіе праязыка южно-словянскаго затрудняется при общности многихъ явленій болгарскаго, сербско-хорватскаго и словѣнскаго языковъ нѣкоторыми весьма крупными различіями, сближающими словянскій языкъ болгаръ то съ русскимъ, то съ польскимъ въ противоположность сербско-хорватскому и словѣнскому. Такимъ образомъ, въ языкѣ балканскихъ и придунайскихъ словянъ дѣйствительно можно установить извѣстный дуализмъ, т. е. исконное раздѣленіе на двѣ вѣтви, начало которыхъ восходитъ къ говорамъ прасловянскаго языка, но этотъ дуализмъ во всякомъ случаѣ не тотъ, о которомъ говорили Копитаръ, Миклошичъ и ихъ послѣдователи: несомнѣннымъ является лишь близкое родство языковъ сербскаго и словѣнскаго, допускающее предположеніе *праязыка сербско-словѣнскаго*, доказываемое рядомъ общихъ фонетическихъ измѣненій, въ противоположность праязыку болгарскому, хотя бы этотъ послѣдній языкъ и назывался у древнихъ писателей до XVII в. языкъ „словѣньскъ“, пока это названіе не замѣнилось названіемъ „българьскъ“, заимствованнымъ у покорившаго словянъ финно-тюркскаго народа, утратившаго свой языкъ, но сохранившаго свои антропологическія отличія. Но замѣтимъ, что и сербы, и хорваты въ Дубровникѣ въ XVI в. звали свой языкъ „slovinski“ (*i* изъ *ŷ*).

Эти явленія слѣдующія: 1. искони, т. е. до начала письменности, и сербы, и хорваты, и словѣнцы не знали различія въ качествахъ тѣхъ очень краткихъ звуковъ, которые выражались въ древне-

церковно-славянскомъ (языкъ, на который солунскіе братья Кирилль и Меодій перевели священное писаніе и который слышался въ IX в. въ средѣ славянъ, нынѣ причисляемыхъ къ болгарской вѣтви) буквами ѣ и ъ и рѣзко различались между собою, какъ и въ русскомъ языкѣ, переходя въ извѣстныхъ положеніяхъ въ о, и е, сравн. сербск. *сѣн* и *дѣн*, словѣнск. *sánja*, *dán* съ русскими *сонъ*, *день* изъ др. русскихъ *сѣнь*, *дѣнь*, и старо-славянскими *сѣнь*, *дѣнь*; это безразличіе мы видимъ съ самаго начала сербской и словѣнской письменности (древне-сербская графика употребляла обычно одно ѣ безразлично, древне-словѣнская то е, то і, какъ въ фрейзингенскихъ листахъ X вѣка, позднѣе же а рядомъ съ е, но безразлично къ ѣ и ъ, а лишь, какъ и нынѣ въ языкѣ словѣнской Краины, въ зависимости отъ долготы слога, обусловливаемой удареніемъ и другими причинами). 2. Древніе слоговые плавные r и l развились безразлично, былъ ли передъ ними или послѣ нихъ ѣ или ъ, причемъ діалектически передъ ними развился новый гласный (а или е передъ r, о или u передъ l), позднѣе же вслѣдствіе измѣненія твердаго l въ сербскомъ яз. въ о изъ древняго сочетанія со слоговымъ l, въ сербск. яз. черезъ посредство ul (ул) и uo развилось нынѣшнее обычное у, благодаря чему сербы въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи, Далмаціи, Хорваты въ Хорватіи и Славоніи говорятъ *вук* (= *волкъ*), *буха* (= *блоха* изъ древн. рус. *блѣха*), но въ нѣкоторыхъ сербско-хорватскихъ говорахъ до сихъ поръ (на островахъ сѣв. ч. Адриатич. моря) еще говорятъ *влк*, *блѣха*, произнося l съ слабымъ неслоговымъ гласнымъ, а словѣнцы въ Краинѣ (родинѣ словѣнскаго литературнаго языка) произносятъ *вобук*, *бобуха*, измѣняя l въ краткое (неслоговое) у, хотя и пишутъ *vôtk* (въ словарѣ Плетершника) или *volk*, *bôtha* или *bolha* (букву h словѣнцы и хорваты употребляютъ въ значеніи нашего x).

3. Въ тѣхъ словахъ, гдѣ древне-славянская графика имѣла юсы, произносившіеся въ носъ, какъ французскія сочетанія *on* и *ain*, *in*, гдѣ польскій яз. до сихъ поръ еще имѣетъ носовое произношеніе и выражаетъ его буквами *o* (= *on*) и *e* (= *ain*), хотя и не всегда соотвѣтственно первоначальному различію о носового отъ е носового, въ сербскомъ и хорватскомъ имѣемъ у и е (въ нѣкоторыхъ говорахъ Далмаціи послѣ ч, ж и j слышится и а вм. е), въ словѣнскомъ о и е (въ нѣкоторыхъ говорахъ горицкихъ также а вмѣсто е): сравн. сербско-хорв. *дѣб*, *мѣж*, *вѣду*, *йѣш*, *мѣсо*, *зѣш*, словѣнск. *dôb*, *môž*, *vodôb*, *pêt*, *mezô*, *zêt*... Сходно съ сербскимъ, правда, имѣемъ также у въ русскомъ, чешскомъ и лужицкихъ

нарѣчійхъ: *дубъ*, *воду*, *dub*, *vodu*, но соотвѣтственно е въ русскомъ находимъ я (= а послѣ мягк. согласнаго), въ чешскомъ то е, то а, то і: рус. *яишь*, *мясо*, *зяишь*, чешск. *pěť*, но *pátý* (= пятый), *maso*; въ польскомъ имѣемъ въ обоихъ случаяхъ носовые: *dań*, *vodę* (въ старо-слов. здѣсь *юсь большой*), *pieć*, *piątý*, *mięso* (въ ст. слов. *юсь малый*).

Небольшіе остатки носового произношенія въ нѣкоторыхъ говорахъ южной Хорутаніи (Каринтіи), напр. въ Зильской долині *veně* (знач. „больше“), *lenča* „чечевица“, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что словѣнск. е получилось въ очень древнее время изъ носового е. О томъ же могутъ свидѣтельствовать и нѣкоторыя записи, сдѣланныя византіяцами, собственныхъ именъ сербскихъ князей, хотя и нельзя точно опредѣлить время утраты назальнаго (носового) произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ ни въ сербскомъ, ни въ словѣнскомъ, ни въ русскомъ языкахъ, и конечно, допустимо, что совершилась эта утрата независимо и въ различное время въ каждомъ. Замѣтимъ, что словѣнское о изъ носового о (ст. слов. *юсь больш.*) произносится подъ удареніемъ протяжно съ небольшимъ призвучкомъ и въ началѣ, т. е. почти какъ дифтонгъ *uo* (*uo*), что сближаетъ его съ сербскимъ у.

4. Первоначально различные въ праславянскомъ языкѣ звуки *ы* и *и*, разница между которыми была извѣстна въ старославянскомъ яз. (буквы ѣ и и, і), до сихъ же поръ сохранилась въ языкахъ польскомъ и русскомъ, въ словѣнскомъ и сербскомъ совпали въ доисторическое время, какъ это видно изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ сербскаго и словѣнскаго языковъ, въ одномъ звукѣ *i* безъ смягченія предшествующаго согласнаго (буква *ы*, несмотря на вліяніе церковно-славянскаго языка, скоро совершенно исчезаетъ изъ сербской кирилловской и хорватской глаголической письменности), въ латинскомъ же письмѣ словѣнскихъ фрейзингенскихъ статей находимъ обычно также *i* при рѣдкомъ *ui* для передачи др. церк. славянскаго ѣ, бывшаго, конечно, въ кирилловскомъ или глаголическомъ оригиналѣ этого древне церковно-славянскаго памятника, съ котораго списывалъ хорутанскій или крайнскій проповѣдникъ эти статьи.

5. Соотвѣтственно древнему *ѣ* въ области самого сербско-хорватскаго языка различаются по говорамъ по крайней мѣрѣ три различныя произношенія: *e* (э), *ie* (или *ийе*, *ije*) и *и* (і), почему и различаются три главныхъ говора по ѣ: *эавскій* (сѣверо-восточный

въ б. ч. Сербіи и въ прилегающихъ съ сѣвера Банатѣ и Бачкѣ), *йекавскій* (въ югозап. ч. королевства Сербіи, въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи, Далмаціи, Славоніи), *икавскій* (мѣстами въ западной Босніи и Герцеговинѣ, въ сѣверной Далмаціи и мѣстами на островѣ Кркѣ). Обычное дѣленіе сербско-хорватскаго народа на *штокавцевъ* (собственно *сербовъ*, которымъ и принадлежитъ общій сербамъ и хорватамъ сербско-хорватскій литературный языкъ) и *чакавцевъ* (собств. Хорватовъ, живущихъ мѣстами въ сѣверной Далмаціи, Истрии, на Кварнерскихъ островахъ и част. западной Хорватіи) не совпадаетъ съ дѣленіемъ по произношенію *ъ*. Кромѣ этихъ дѣленій въ собственной Хорватіи извѣстны *кайкавцы*, произносящіе *ъ* какъ узкое *е*. Послѣднее произношеніе господствуетъ и у словѣнцевъ, при чемъ въ Крайнѣ слышится уже дифтонгъ *ei* (*ей*) и даже *ai*, на западѣ же словѣнской области *ie* (*йе*). Такимъ образомъ *свѣтъ* произносятъ сербы *свѣтъ*, на югѣ и юго-западѣ (въ Герцеговинѣ и Черногоріи) *свѣйтѣй*, на западѣ *свѣтъ*, словѣнцы въ Крайнѣ *свѣт* (*свѣйт*, *свѣйтѣй*). Для насъ кхарактерно отмѣтить, что всѣ эти произношенія *ѣ* у сербовъ, хорватовъ и словѣнцевъ рѣзко отличны отъ настоящаго болгарскаго *свѣтъ* (такъ произносилось *ѣ* и въ древне церковно-славянскомъ яз., глаголическая графика котораго не отличала *ѣ* отъ *и* = *я*).

6. Изъ смягченнаго (йотованнаго) *ш* и изъ *kt'* въ сербскомъ языкѣ получилось очень мягкое *шъ*, мѣстами очень близкое къ *чь*, у словѣнцевъ обычно *ч* (буква *č*): сербск. *свѣћа*, *свијѣћа*, *ноћ*, словѣнск. *svěća*, *noč*, русск. *свѣча*, *ночь*; рѣзко отлично болгарск. *свѣшлѣ*, *ношлѣ* (ст. славянск. *свѣшта*, *ношть*, наше церковное произношеніе *щ* = *шч* вторично подъ вліяніемъ русскаго яз.). Въ польскомъ и чешскомъ имѣемъ въ этихъ случаяхъ *с*: п. *świeca*, *noc*, чешск. *svíce*, *noc*.

7. Изъ смягченнаго (йотван.) *д* въ сербскомъ получилось очень мягкое *дъ*, мѣстами переходящее въ *джъ*, но у чакавцевъ на крайнемъ западѣ зубной элементъ совершенно исчезъ и осталось *ј*; тоже *ј* слышится и у словѣнцевъ въ Штирии, Крайнѣ, Горицѣ, Хорутаніи и т. д. Напр., соотвѣтств. старославянск. и болгарск. *межда*, русскому *межа*, въ сербскомъ обычно *мѣжа*, въ народныхъ говорахъ сербско-хорватскаго запада *мея* (*meja*), въ словѣнскомъ обычно только *мѣја*, сравн. также русск. *похаживаѣтъ*, ст. слов. *похаждати*, сербск. *похаживаѣтъ*, слов. *rohajati*. Въ польскомъ соотвѣтственно имѣемъ *dz*, въ чешскомъ *z*: п. *miedza*, *chodze* (= *хождѣ*), ч. *meze*, *chazeti*.

8. И въ сербскомъ и въ словѣнскомъ яз. въ очень древнее время, въ отличіе отъ сохранившейся мягкости *з* и *с* въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ и графическаго выраженія мягкости въ нѣкоторыхъ др. ц.-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ, отвердѣли тѣ *з* и *с*, которые въ общемъ праславянскомъ яз. получились изъ *г* и *х*, какъ результатъ ихъ вторичнаго смягченія: сравн. русск. *князь*, *князя*, *сѣезя*, *весь*, *вся*, *всякъ* и т. д., др. церк.-славянск. *кѣпаша*, *стѣза*, *вѣскъ* и *вѣсь*, *вѣса*, *вѣсакъ*, при чемъ древніе глаголическіе памятники еще сохранили особую букву *sz* („зѣло“) для выраженія слитнаго *dz*, сохранившагося въ польскомъ яз. и частію въ болгарскомъ и рано измѣнившагося въ большинствѣ славянскихъ языковъ въ *z* (*з*), — съ словѣнскими *kněz*, *kněza*, *stezà*, *věs*, *vsà*, *vsak*, и сербскими *kněz*, *kněza*, *stěza*, *sav*, *sva*, *svak* (съ перестановкой *sv* вмѣсто *vs*, какъ еще сохраняется въ хорватскихъ говорахъ). Сравн. также польск. *ksiądz*, *jędza*, *wszak* (мягкое *с*, какъ и въ чешскомъ, измѣнилось въ *ш*), болгарск. *всѣкъ* (= *фсѣкъ*).

9. И въ сербскомъ и въ словѣнскомъ йотованные губные измѣнились, какъ и въ русскомъ яз., въ отличіе отъ болгарскаго, польскаго и чешскаго, въ сочетанія губныхъ съ мягкимъ *л* (*l*): сербск. *зѣмля*, словѣнск. *zémija*, рус. *земля* сравните съ болг. *земля*, польск. *ziemia*, чешск. *země*.

Не буду останавливаться на такихъ общихъ явленіяхъ, которыя объединяютъ сербскій языкъ не только со словѣнскимъ, но и съ старославянскимъ и болгарскимъ, слѣдовательно являются обще-южно-славянскими, захватывая кромѣ того и часть сѣверо-западныхъ славянскихъ языковъ, а именно чешскій съ ближайше родственными ему словацкимъ. Самымъ важнымъ явленіемъ такого рода является образованіе звуковыхъ сочетаній *trāt-* и *trēt-*, т. е. напр. произношенія *градъ*, *мразъ*, *власть*, *брѣгъ*, *млѣко* (ст. слов.) *grād*, *mráz*, *vlás*, *brěg*, *mlěko* въ сербскомъ, *grād*, *mráz*, *vlás*, *brěg*, *mlěko* въ словѣнскомъ, *hrad*, *mráz*, *vlás*, *břeh*, *mlěko* въ чешскомъ. Какъ извѣстно, въ русскомъ яз. въ этихъ случаяхъ является такъ называемое „полногласіе“, т. е. формы *городъ*, *морбъзъ*, *болосъ*, *бѣрегъ*, *молоко*, въ польскомъ и лужицкомъ являются вмѣсто *ra*, *rě*, *lě*, *ro*, *re*, *le*: *grod*, *włos*, *brzeg*, *mleko*. А сравненіе съ языками балтійскими (литовскимъ и др.) и германскими (готскимъ, нѣмецкимъ, шведскимъ, англійскимъ) доказываетъ, что *градъ* и *брѣгъ* и т. п. произошли путемъ перестановки изъ *\*gordъ* и *\*bergъ*: сравн. готск. *gards*, литовск. *gařdas*, нѣм. *berg*, др. ц.-слов. *гранъ*, серб. *vrân*, словѣнск. *vrân*, рус. *воронъ* сравн. съ литовск. *vařnas* и т. д.

Но важно обратить вниманіе на то, что сербскій или сербско-хорватскій яз. во всѣхъ его говорахъ, въ особенности въ болѣе архаичныхъ зетско-боснійскихъ говорахъ, а также чакавскихъ говорахъ сѣверной Далмаціи и острововъ и въ посавскихъ говорахъ Славоніи, представляетъ замѣчательную близость со словѣнскимъ по ударенію съ тою разницею, что какъ по мѣсту, такъ и по качеству ударенія больше архаичности слѣдуетъ признать за сербскимъ или хорватскимъ яз. (говоры чакавскіе, какъ извѣстно, при сравненіи съ русскимъ яз. дали возможность возстановить мѣсто и качество ударенія въ прасловянскомъ яз.), чѣмъ за словѣнскимъ, но самыя отступленія въ этомъ отношеніи таковы, что легко даютъ возможность возстановить прасербо-словѣнскій типъ удареній. Этотъ древній типъ въ словѣнскомъ нарушился тѣмъ, что въ извѣстную эпоху жизни словѣнскаго языка сократились всѣ бывшіе долгіе гласные въ положеніи безъ ударенія, а кромѣ того удлинены всѣ бывшіе краткими гласные внутри словъ въ открытыхъ слогахъ (серб. *bráta* имѣетъ краткое ударен. *a*, но словѣнск. *bráta* съ долгимъ *a*). Но замѣчательно, что въ словѣнскомъ мы имѣемъ такую же „оттяжку“ ударенія назадъ, ясно указывающую на древнее мѣсто ударенія, сохраненное чакавскими, нѣкоторыми черногорскими и говорами юговосточной Сербіи, которая является характерной для сербскаго штокавскаго, наиболѣе распространеннаго и литературнаго произношенія: рус. *водá*, чак. *vodā*, шток. *vòda* и *vóda* (мѣстами въ Сербіи и въ Дубровникѣ), словѣнск. *vòda*. Что же касается характерной для словѣнскаго яз. „выдвижки“, то она проливаетъ свѣтъ на многія очень древнія явленія: переносъ ударенія въ ф. вин. ед. *vodb* (рус. и серб. *vodu*) напоминаетъ рус. уд. множ. ч. *водáмъ*, *водáми* и т. п. и объясняется различіемъ въ качествахъ („нисходящемъ“ и „восходящемъ“) удареній на долгихъ и краткихъ слогахъ, существовавшимъ въ языкѣ прасербо-словѣнскомъ, получившемъ таковое изъ языка прасловянскаго. Изслѣдованіе удареній сербско-хорватскихъ и словѣнскихъ сравнительно съ удареніями русскаго языка и попытки объяснить типъ удареній прасловянскихъ были предметомъ работъ многихъ ученыхъ: словѣнцы *Шкрабець* и *Валявецъ* посвятили много статей выясненію этихъ вопросовъ; обширная работа примкнувшаго къ „иллиризму“ загребскаго академика Валявца напечатана на страницахъ „*Rad jugoslavenske akademije*“ 1878—1895 г. подъ заглавіемъ „*Prinos k naglasu u (novo)slovenskom jeziku*“ и „*Glavne točke o naglasu kniževne slovenštine*“ въ томъ же „*Rad*“-ѣ 1897 г. Прекрасный

словарь *Плетершника* 1894—1895 г. весьма важенъ для изученія словѣнскаго ударенія. Удареніе сербско-хорватское послѣ знаменитаго Вука Караджича, впервые обратившаго на него вниманіе ученаго міра въ своемъ словарѣ и различныхъ статьяхъ, особенно тщательно изучалось Юріемъ Даничичемъ, напечатавшимъ много изслѣдованій въ сербскихъ и хорватскихъ ученыхъ журналахъ. Составители грамматикъ сербскаго и хорватскаго языка *Игн. Берличъ* (изъ Славонскаго Брода), *Анѣонъ Мажураничъ*, *Стойанъ Новаковичъ*, *Будмани*, *Марейичъ*, *Неманичъ*, *Кушаръ* и другіе сообщали новыя данныя для изученія разнообразія удареній въ говорахъ сербско-хорватскаго языка. Въ новѣйшее время изъ сербскихъ ученыхъ занимались этимъ вопросомъ *Миланъ Решеѣаръ*, написавшій обширную работу „*Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten*“, изданную Вѣнской Академіей въ 1900 г., и А. И. Бѣличъ, издавшій въ Бѣлградѣ въ 1914 г. „*Акцентатске студије*“. Изъ русскихъ ученыхъ послѣ общаго свода, сдѣланнаго Р. Ф. Брандтомъ въ 1880 г. („Славянская акцентологія“), особенно много занимался изученіемъ сербско-хорватскихъ удареній акад. Шахматовъ (см. его статьи въ Рус. Филол. Вѣстн. 1888—1893 г. и въ „Извѣстіяхъ Отдѣл. рус. яз. и слов. Акад. Н.“). Вопросами возстановленія удареній прасловянскаго яз. занимался С. М. Кульбакинъ, работы котораго примыкаютъ къ трудамъ Вондрака и Мейе, между тѣмъ какъ работы Шахматова исходили изъ открытій, сдѣланныхъ Фортуновымъ путемъ сравненія удареній словянскихъ и балгійскихъ языковъ, и шли параллельно съ изслѣдованіями сербскихъ удареній и количества, предпринятыхъ Лескиномъ и изданныхъ въ Лейпцигѣ 1885—1893 г.

Можно бы было указать еще нѣкоторыя характерныя звуковыя явленія, свойственныя только сербско-словѣнской вѣтви и распространяющіяся, повидимому, путемъ заимствованія иногда только въ отдѣльныхъ словахъ съ запада изъ словѣнской языковой области черезъ чакавско-хорватскую область въ штокавскій сербско-хорватскій языкъ. Любопытно напр., что сербскій яз. не знаетъ общаго всѣмъ словянскимъ языкамъ, извѣстнаго въ старословянскомъ, русскомъ, польскомъ, чешскомъ, союза *же*, входящаго и въ качества частицы въ составъ сложных нарѣчій и мѣстоименій, напр. ст. слов. *ѣже*, др. рус. *оже*, польск. *że*, *iż*, чешск. *kterijž* и т. п., но знаетъ частицу *ре*, *р*, напр. въ нарѣчій *јер*, что является болѣе обычнымъ въ западныхъ областяхъ и еще обычнѣе въ словѣнскомъ, гдѣ находимъ рядомъ съ *ki* („который“) и *kaj* въ

качествѣ относит. мѣстоименія *kir, kar* и т. д., союзы и нарѣчія *ter, ker, kjer* и т. п. Если же мы обратимъ вниманіе на то, что у словѣнцевъ отъ глаг. *mōci* (мочь) настоящее время только *mōrem*, что у старыхъ далматинскихъ писателей встрѣчаемъ отъ глагола *rognaŭi* наст. *rogenem* вмѣсто ожидаемаго *roženem* (сравн. ст. слов. и др. рус. *женеши* „гониш“), что въ западныхъ областяхъ сербо-хорватской области и Вукъ отмѣтилъ *mōreš, mōrē* вмѣсто болѣе обычнаго *mōjši*, то становится яснымъ, что въ какихъ-то говорахъ пограничной, переходной отъ словѣнскаго къ сербскому и хорватскому полосы совершился переходъ въ положеніи между гласными *ж* въ *р*, и что въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ это *р* распространилось на западъ и на востокъ, при чемъ нѣкоторыя слова, фонетически получившія *р*, потомъ замѣняли его подѣ влияніемъ другихъ болѣе древнимъ *ж*, напр. фонетически явившееся *rogenem* уступало мѣсто въ словѣнскомъ и сербскомъ формѣ *roženem*, *їдженѣм* подѣ влияніемъ *ж* въ томъ же глаголѣ безъ предлога *ro*. Если обратимъ вниманіе на большую распространенность въ болгарско-македонскихъ народныхъ пѣсняхъ союза *dori* и въ сложеніи (*дорда, дордѣ*), напоминающаго *дожи* старослов. Супрасльской рукописи, то является вѣроятнымъ переносъ этого явленія въ отдѣльныхъ словахъ на юго-востокъ за предѣлы сербо-хорватской области.

Но указанныхъ звуковыхъ совпадений, я полагаю, достаточно, чтобы читателямъ стала очевидной близкая родственная связь языка сербо-хорватскаго и словѣнскаго. Прибавлю, что она станетъ еще болѣе очевидной, если обратимъ вниманіе на нѣкоторыя общія явленія морфологии, синтаксиса и словаря: 1. обще-южно-славянское окончаніе *-om* въ ф. твор. ед. *bogom, sinom* (серб. *бѣгом, сїном*), между тѣмъ какъ рус. яз. получилъ здѣсь *-омъ*, что ясно изъ южнорусскаго *-ом* и согласно съ польскимъ и чешскимъ *-em*; 2. ф. род. ед. основъ на *a* (женск. р.) получила въ обоихъ языкахъ оконч. *e* изъ носового *e* (ст. слов. „юсь мал.“), первоначально свойственнаго только основамъ съ мягкимъ звук. передъ *a*: *žēne, vōde*, серб. *женѣ, водѣ*, чакавск. *ženē, vodē*; 3. въ ф. 1 л. мн. ч. настоящ. врем. *mo* (мо): слов. *hočemo*, серб. *хѣємо*; 4. распространеніе древняго окончанія 1 л. ед. *-мь* отъ немногихъ архаическихъ глаголовъ на глаголы всѣхъ классовъ, не исключая и глаголовъ 1-го класса съ тематическимъ *e*, сохранившихъ первоначально свойственное этому классу окончаніе не только въ русскомъ и болгарскомъ, но и въ польскомъ и чешскомъ: серб. *нѣсем, їлѣшем,*

*рѣчѣм* (но три глагола въ литературномъ нарѣчїи сохранили *у* изъ древняго *o*: *mōgu, ħu, vēlu*), словѣнск. *něsem, plētem, rěčem*, сравн. болг. *неса, їлѣша*, ст. слов. формы съ „юсомъ большимъ“, рус. *несу*, польск. *niose, plote*, чешск. *nesu, plētu*. Какъ обще-южно-славянская черта синтаксиса, должно быть отмѣчено ограниченіе употребленія формъ наст. врем. въ знач. будущаго придаточными (зависимыми) предложениями, но способъ образованія формы будущаго времени въ сербскомъ сходенъ съ болгарскимъ и новогреческимъ и отличенъ отъ словѣнскаго.

Выставляя черты близости языка словѣнскаго къ сербскому, мы особенно выдвигаемъ тѣ изъ нихъ, которыя являются отличными не только отъ западно- и восточно-славянскихъ языковъ, но и отъ того южно-славянскаго языка, который, занимая юговостокъ Балканскаго полуострова, извѣстенъ подѣ именемъ болгарскаго и, какъ языкъ, наиболѣе воспринявшій чужезычныхъ влияній, наиболѣе утратилъ коренныхъ славянскихъ особенностей въ морфологии и синтаксисѣ. Мы должны, однако, сказать, что этотъ языкъ помимо чужихъ влияній уже въ глубокой древности, въ періодъ основанія древне-славянской письменности братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ, рѣзко отличался въ своихъ звуковыхъ чертахъ отъ той юго-славянской вѣтви, которую мы въ правѣ назвать „сербско-хорватско-словѣнской“ или просто „сербско-словѣнской“. Если и можно сказать, что западно-болгарскіе или „шопскіе“ говоры очень близки къ сербскому языку, то слѣдуетъ замѣтить, что вѣдь они, однако, довольно рѣзко отличаются отъ собственно болгарскихъ какъ восточныхъ, такъ и южныхъ, т. е. южномакедонскихъ говоровъ и вѣроятно, предполагаютъ первоначально сербскую основу.

Приведенныя выше свѣдѣнія о родствѣ языковъ словѣнскаго и сербско-хорватскаго имѣли цѣлью пояснить одну изъ главныхъ причинъ возникновенія юго-славянской идеи. Но мы все время говоримъ о языкѣ „сербско-хорватскомъ“, какъ о единомъ, и это требуетъ краткаго поясненія. Прежде всего мы должны сказать, что всякій живой языкъ дробится на множество говоровъ въ связи съ разнообразіемъ и всего этнографическаго цѣлага, при чемъ отдѣльныя части народа нерѣдко имѣютъ и особыя названія, иногда забываемыя и замѣняемыя новыми прозвищами, какъ это мы видимъ на Руси, гдѣ исчезли имена *їолянѣ, дульбовѣ, древлянѣ, дреговичей*, сохранныя лѣтописью, но извѣстны новыя *украинцевѣ, їодолянѣ, гуцуловѣ, лемковѣ, їольшукѣ* и т. п., впрочемъ, можетъ быть, и давнишнія, но почему либо не попавшія въ первоначальную

лѣтопись, гдѣ извѣстно много и чисто мѣстныхъ прозвищъ, иногда же сохраняемая народной памятью вплоть до нашихъ дней. Къ числу такихъ мѣстныхъ, но очень древнихъ племенныхъ именъ принадлежатъ и *сербы* и *хорватѣ*. Вся сербская исторія и исторія сербскаго языка показываетъ, что они искони были настолько же близки между собою, насколько взаимно близки были и древнерусскіе *поляне*, *древляне*, *стверяне* и т. п. Но судьбѣ угодно было, чтобы изъ множества мѣстныхъ именъ на Балканскомъ полуостровѣ выдвинулись въ особенности два — *сербы* и *хорватѣ*, образовавъ самостоятельныя государства, подчинившіяся одно вліянію православной Византіи, другое католическаго Рима и связанной съ нимъ западно-европейской культуры. Какъ извѣстно, уже съ XII-го вѣка Хорватія связала себя съ Венгріей, а позднѣе вмѣстѣ съ нею попала въ составъ нѣмецкой имперіи Габсбурговъ. Королевство же сербское въ XV-омъ в. подпало подъ турецкое иго. Пала самостоятельность и другихъ сербскихъ земель, носившихъ мѣстныя названія (Босніи, Хума); удержалась лишь древняя Зета (Черногорія), долго управлявшаяся владыками, съ половины XIX-го в. княжество, а въ XX-омъ уже королевство. Освобожденіе Сербіи совершилось въ началѣ XIX-го вѣка и шло параллельно съ возрожденіемъ народнаго языка, возникновеніемъ литературы на народномъ языкѣ и преобразованіемъ орфографіи въ духѣ приближенія къ разговорной рѣчи. Параллельно съ геройскими подвигами Карагеоргія шла литературная и этнографическая дѣятельность Вука Караджича, продолжавшаяся еще много лѣтъ въ освобожденной Сербіи до 1864 г. Но еще при жизни Вука осуществилась идея, которой былъ онъ яркимъ поборникомъ, — принятіе *общаго литературнаго языка* сербами и хорватами, который и называли сербы въ Бѣлградѣ *сербскимъ*, а хорваты — хорватскимъ, а такъ какъ многіе называли его то „српски или хрватски“, то „hrvatski ili srpski“, то вполне понятенъ употребляемый въ наукѣ терминъ „сербско-хорватскій“. Идея принятія хорватами, при условіи сохраненія латинской азбуки съ чешскими значками, сербскаго литературнаго языка, къ которой примкнули многіе литераторы и ученые Хорватіи, Штиріи, Краины, Славоніи и собственной Сербіи, принадлежитъ хорватскому дѣятелю 1830-хъ годовъ *Людевишу Гаю*. Идея эта имѣла цѣлью объединить литературно не только сербовъ съ хорватами, но и со словѣнцами. Словѣнскими литераторами и учеными, каковы *Сѣанко Вразъ* и *Майнъ Валявецъ*, эта идея проводилась особенно настойчиво, хотя рядомъ съ нею проводилась и идея самостоятельнаго развитія

мѣстнаго словѣнскаго языка Краины, приверженцемъ которой были Копитаръ и поэтъ Прешернъ, современникъ Пушкина. Вполнѣ понятно распространеніе этой идеи среди словѣнцевъ, которые особенно близко родственны хорватскимъ кайкавцамъ, въ средѣ которыхъ и родилась она въ лицѣ Гаю и носила названіе „иллиризма“. Обращу вниманіе еще на одно обстоятельство, содѣйствовавшее идеѣ „иллиризма“ или „югославизма“: въ то время какъ въ древнемъ государствѣ Нѣманичей и въ Босніи и въ сѣверной Далмаціи процвѣтала церковно-словянская письменность „сербской и хорватской рецензи“, т. е. съ измѣненіемъ древне-ц.-словянскаго правописанія подъ вліяніемъ народнаго сербскаго и хорватскаго произношенія, въ свободной южно-далматинской общинѣ Рагузѣ (Дубровникѣ), гдѣ итальянскій элементъ древнихъ римскихъ колонистовъ постепенно уступалъ мѣсто народному словянскому, постепенно проникаетъ въ литературу языкъ, называвшійся писателями „slovenski“ (словинскій), который у первыхъ писателей (XV—XVI в.) носилъ характеръ западнаго нарѣчія сербско-хорватскаго — „чакавскаго“, въ XVII-омъ же, въ знаменитой поэмѣ Гундулича „Османъ“, переходитъ къ типу „штокавскаго“ языка, т. е. того-же языка, который въ звуковомъ отношеніи былъ почти тождественъ съ языкомъ Вука Караджича, въ частности представлялъ „йекавскій“ говоръ сербскаго языка, который и теперь употребляется въ литературѣ черногорской въ кирилло-вуковской орфографіи и въ хорватской-загребской въ латинской графикѣ. То обстоятельство, что старую высоко художественную литературу Дубровника склонны были считать своей и хорваты, объединенные съ далматинцами и римско-католической религіей и связанными съ нею западно-европейской культурой и латинскимъ письмомъ, и сербы, считавшіе языкъ Дубровника сербскимъ, еще болѣе содѣйствовало литературному объединенію сербовъ съ хорватами на почвѣ именно *штокавскаго* нарѣчія, т. е. *сербскаго* яз., превосходящаго нарѣчія собственно *хорватскія*, *чакавское* и *кайкавское* и подавляющею численностью говорящихъ на немъ<sup>1</sup>.

Б. Ляпуновъ.

<sup>1</sup> Интересующихся отсылаемъ къ статьѣ (лекціи) А. И. Бѣлича „Современный сербско-хорватскій литературный языкъ“ въ брошюрѣ „Борьба за духовное и политич. объединеніе Сербовъ, Хорватовъ и Словинцевъ“ (№ 5 Русско-сербской бібліотеки).